

Ivan Smirnov

 <https://orcid.org/0000-0003-3066-5591>

Uniwersytet Łódzki

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki

Zakład Językoznawstwa

90-226 Łódź, ul. Pomorska 171/173

i.smirnow.edu@gmail.com

<https://doi.org/10.18778/8220-520-6.05>

МЕТАФОРА КАК МЕХАНИЗМ РАЗРУШЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Metaphor as a mechanism of invalidating gender stereotypes

Metafora jako mechanizm burzenia stereotypów płci

Резюме

В статье оспариваются теоретические постулаты гендерной лингвистики. В частности, ставится под сомнение главенствующая в гендерных исследованиях андроцентрическая точка зрения. Исходным материалом для анализа послужили метафорические номинации, характеризующие мужчину в китайском языке. Приведенные на русском языке эквиваленты подтверждают существование общих мотивационных установок, отраженных в китайском и русском языках. Альтернативный взгляд на предложенные репрезентативные схемы способствует разрушению устоявшихся стереотипов в гендерных исследованиях.

Summary

The article challenges the theoretical claims of gender linguistics. The androcentric point of view that is dominant in gender studies is especially challenged. The initial material for the analysis was the metaphorical nominations characterizing a male in Chinese. The equivalents given in Russian confirm the existence of common motivational attitudes reflected in the Chinese and Russian languages. An alternative view of the proposed representational schemes contributes to the rejection of stereotypes established in gender studies.

Streszczenie

Artykuł poddaje krytyce teoretyczne postulaty lingwistyki płci. W szczególności kwestionowany jest androcentryczny punkt widzenia dominujący w badaniach genderowych. Materiałem wyjściowym do analizy posłużyły metaforyczne nominacje w języku chińskim charakteryzujące mężczyznę. Ekwiwalenty podane w języku rosyjskim potwierdzają istnienie wspólnych podstaw motywacyjnych odzwierciedlonych w języku chińskim i rosyjskim. Alternatywne spojrzenie na proponowane reprezentatywne schematy przyczynia się do burzenia utrwalonych stereotypów w językoznawstwie płci.

Ключевые слова: гендер, стереотипы, метафорическая номинация, патриархальное общество.

Keywords: gender, stereotypes, metaphorical nomination, patriarchal society.

Słowa kluczowe: gender, stereotypy, nominacja metaforyczna, społeczeństwo patriarchalne.

Современное понимание гендера и гендерной парадигмы в лингвистике

В XX в. огромную популярность в среде научного сообщества приобрели исследования, касающиеся взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Ученые, работающие над данной проблематикой, пытаются всеми силами найти особые психофизиологические способности, присущие мужскому или женскому полу, и транспонировать полученные данные в свои области науки. Гендерная лингвистика, являясь частью междисциплинарного направления, пытается решить ряд проблем с помощью собственного понятийного аппарата. Перед исследователями стоят две задачи: во-первых, установить закономерности, кроющиеся в структуре исследуемого языка, во-вторых, суметь описать связь языка с экстралингвистическими факторами, находящимися за пределами чисто языковой области.

Рассматривая научные труды, касающиеся исследуемой темы, можно обнаружить некоторую неточность в использовании понятия «гендер» и «пол». Очень часто представленные понятия функционируют в научном дискурсе как синонимичная пара. Самое полное описание понятия «гендер» представлено в *Словаре гендерных терминов* под редакцией А. Денисовой. Гендер – это «совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола». Под биологическим полом в словарной статье подразумеваются анатомо-физиологические признаки, четко разграничивающие мужчину и женщину (Денисова, 2002, 10).

Предложенная формулировка наталкивает на размышления о том, что исследования гендерной проблематики так или иначе сводятся к сопостав-

лению мужского и женского. Как справедливо замечает социолог Э. Гидденс, с появлением современных медицинских технологий по смене пола уже некорректно ограничиваться только мужскими и женскими коннотациями (Гидденс, 1999, 103). По сути, вымывается фундамент, который служил основой построения гендерных исследований многие годы, а значит, биологические признаки больше не являются маркером мужского или женского пола. Различные хирургические коррекции пола, направленные на изменение человеческого тела, подталкивают научное сообщество к пересмотру устоявшегося понятийного аппарата и разрушению табуированных установок, негласно принятых в научной среде. Насильно поместить индивида в рамки предложенной классификации невозможно. Из этого следует, что проводимые учеными в русле гендерной лингвистики исследования могут носить фальсификационный характер и все дальше уводить нас от истинной природы человека.

Следующей проблемой в гендерных исследованиях является доминирующая в научной среде андроцентрическая позиция, согласно которой гендерные связи можно определить, отталкиваясь от мужской нормы. Подобного мнения в вопросах гендерной трансформации придерживается целый ряд российских авторов – А. Кирилина, М. Томская (2005); А. Денисова (2002); В. Маслова (2001) и др.

Во-первых, проводимые в таком контексте исследования предсказуемо формируют симпатию к женскому полу и антипатию к мужскому. В частности, находим такой пример у Масловой:

С одной стороны, общество выработало такие стереотипы поведения, согласно которым женщина играет подчиненную роль при мужчине, она должна быть хорошей хозяйкой, способной выполнять любую работу, должна быть доброй, терпеливой, послушной, нежной, верной, красивой, всегда желанной. Отсутствие мужа в этой модели рассматривается как отход от нормы, а уход от мужа – как бунт. Норма же – семья с мужчиной во главе и с разделением ролей (Маслова, 2001, 126).

Только заняв нейтральную позицию, дистанцируясь от мужского и женского, можно гипотетически предположить, какая социальная роль отведена мужчине или женщине в каждом конкретном случае. Г. Крейдлин справедливо подмечает, что новые жизненные условия, социальные конвенции и ролевые установки привели к трансформации уже устоявшихся культурных и коммуникативных традиций, в частности, к смене содержания, структуры и стиля коммуникативных полов (Крейдлин, 2005, 12).

Во-вторых, весьма спорными представляются утверждения о доминировании мужчины в описываемых социальных группах. Можно сколько угодно объединять или разделять по социальным функциям мужчин и женщин, но

в реальности так и не понять, как на самом деле поведет себя индивид в многомерном социальном пространстве. Поэтому сводить к общему знаменателю найденные маскулинные и фемининные признаки и приписывать их каждой женщине или мужчине – некорректно. Представляется возможной и дуальная форма взаимоотношений. Вызывает, однако, несогласие и то, что исследователи, проводя параллели между мужчиной и женщиной, отбрасывают на периферию отношения, встраиваемые однополыми партнерами. Данная форма связи может помочь понять условия построения таких семейных отношений, при которых оба партнера являются носителями определенных ролевых установок.

С одной стороны – ангажированность в научной среде не дает права рассматривать такую точку зрения, с другой стороны – неясности, возникающие в результате сравнительного анализа только мужских и женских связей, приводят к недостоверности полученных результатов. Известный философ Мераб Мамардашвили считал, что на примере однополых отношений зачастую можно более явно проследить закономерности и выявить общую природу любовных отношений (Мамардашвили, 1997, 7).

А. Григорян в своей работе указывает на то, что гендерная характеристика человека связана с его коммуникативным поведением (Григорян, 2004, 2). Представляется очевидным, что фактор гендера нередко оказывает влияние на то, какие именно люди наделяются правом произнесения соответствующих перформативных актов. Конкретные действия, скрывающиеся за словами, зависят от множества факторов: социальных отношений собеседников, задач, которые они решают, их возраста и т.д. (Смирнов, 2019, 70).

Н. Божанова, рассматривая историю изучения гендерного вопроса, фиксирует устойчивую точку зрения, согласно которой существуют женские и мужские темы разговоров. Данный стереотип транслируется в научных пособиях и формирует искаженное представление о прагматическом аспекте языка (Божанова, 2012, 7).

Л. Гришаева, например, анализируя стереотипы, бытующие в лингвистической гендерологии, приходит к выводу: чтобы установить влияние гендера на выбор индивидуумом лексических средств, требуется принять во внимание факт того, что минимальной языковой единицей при анализе лексического материала должен выступать текст или дискурс (Гришаева, 2004, 69).

Каждая из областей научного знания, занимающаяся проблемами гендера, формулирует посредством языка свою собственную модель описания. Различные конфигурации, встраиваемые в сценарий человеческой жизни, могут выходить за рамки своей дисциплины. Опытные данные, полученные в области гендерной лингвистики, получают развитие лишь тогда, когда эмпирическая часть не базируется на выводах, вытекающих из исторического или культурного контекста. В ином случае результаты имеют абстрагирован-

ный характер и выходят за область языковой действительности. Нецелесообразно только на базе полученных выводов выстраивать универсальные психологические установки, которыми бы руководствовались люди.

В данных обстоятельствах умозаключения, полученные предложенным путем, имеют лишь интуитивный характер. В реальности нет никакой возможности фактологически подтвердить, что каждый человек мужского или женского пола обладает приписанными ему нормами поведения.

Гендерные метафоры в китайском и русском языках

С точки зрения познавательной функции метафора оказалась интересной не только для лингвистов, но и для философов. В ряде философских исследований функционирование метафоры в языке непосредственно связывается с определенными моментами научного познания. Метафора рассматривается как одно из важнейших средств конструирования языка, его расширения, а также как способ непосредственной связи естественного языка с языком науки (Гусев, 1984, 104).

Выводы Лакоффа и Джонсона о метафоричности понятийной системы опираются на лингвистические данные. Ученые пришли к выводу, что, благодаря языку, мы получили доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление и наши действия (Лакофф, Джонсон, 1990, 388). Согласно их исследованиям, метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, то есть сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Лингвисты отмечают, что метафорические понятия могут выйти за пределы обычного способа мышления в область, называемую мышлением и языком. Метафорична и природа понятий, упорядочивающих повседневные действия, как метафоричны выражения повседневного языка (Лакофф, Джонсон, 1990, 395).

В практической части целенаправленно представлены только метафорические номинации, относящиеся к мужскому полу. Примеры, помеченные (*ruscorpora*), заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Стереотипные представления о главенствующей роли мужчины при построении семейных отношений не имеют доказательной базы, а значит, не могут быть основополагающим фактором, базирующимся на постулатах гендерных исследований.

Исходным языком исследования является китайский, при том, что гендерные исследования лишь в последние годы начинают развиваться в китайском научном сообществе. На примере метафор предпринята попытка радикальным образом изменить представление о социальном статусе мужчины в китайском и русском языковом пространстве. Исходя из концепции гендеризма, приводим рассуждение Кирилиной:

Неравноправный статус полов, в той или иной степени присутствующий в любой постпатриархальной культуре, позволяет и в лингвистическом исследовании опираться на концепцию власти. В то же время во всех культурах соблюдаются различия между полами, и как только ту или иную черту поведения начинают ассоциировать с определенным полом, от нее стараются избавиться представители другого пола. Именно этот факт лег в основу концепции гендеризма, т.е. культурно и социально обусловленных и воспроизводимых обществом различий в поведении полов (Кирилина, 2000, 141).

В китайском языке функционирует ряд описывающих мужчину метафорических выражений, когда он в социальном пространстве исполняет роль «униженного партнера». В данном случае описываемое определение является стереотипным и может восприниматься одними людьми как «слабая позиция», другие же посчитают ее «выгодной».

(1) 吃软饭 (досл. пер. с кит.: есть мягко рис).

Метафорическое значение: *Жить за счет женщины, вместо того, чтобы работать.*

(2) 现在有些男性却依赖着女性来养活自己。 – *Теперь некоторые мужчины полагаются на женщин, чтобы прокормить себя.*

В русском языке существует схожее по смыслу значение, выраженное словом «жиголо». В Большом толковом словаре русского языка (БТС) под ред. С.А. Кузнецова приведены три значения лексемы «жиголо»:

(3) Молодой мужчина, за плату оказывающий интимные услуги женщинам.

(4) Любовник, находящийся на содержании у женщины; альфонс.

(5) Сутенёр; любовник проститутки.

Исследуя процессы разрушения социальных стереотипов, О.А. Воронина в учебном пособии *Теория и методология гендерных исследований* акцентирует внимание на доминирующем статусе мужчины по сравнению с женщиной:

Ведь женщины почти во все эпохи были вытеснены из системы «мужского» общественного производства в «женскую» домашнюю сферу и не участвовали в отношениях собственности, распределения и присвоения общественного продукта. Поэтому можно сказать, что социальный класс – это маскулистское понятие, которое вполне подходит для описания андроцентристской структуры общества, но совершенно не проясняет той ситуации, в которую этим обществом помещены женщины (Воронина, 2001, 26).

В реальности проверить все существующие временные эпохи, а тем более описать социальные системы, в которых женщине отводилась бы роль ответственной только за ведение домашнего хозяйства без участия мужчины, невозможно.

Подобная интерпретация нонконформных отношений, рассматриваемых в русле гендерной проблематики, не согласуется с репрезентируемыми языковыми примерами, а значит, не может быть принята как подлинно верная.

В китайском языке можно выделить несколько метафорических моделей, иллюстрирующих добровольный отказ мужчины занимать главенствующее положение в семье.

(6) 床头柜 (досл. пер. с кит: *этажерка*)

Метафорическое значение: *Мужчина, который во всем подчиняется своей жене.*

(7) 家里的每个人都知道床头柜男人。 – *Все в семье знали, что он подчиняется жене.*

В русском языке также присутствуют метафорические номинации, вписываемые в модель с негативной характеристикой мужчины.

(8) Подкаблучник: *Но Александр Ильич уже начал лысеть, он был маэстро, отец семейства, муж-подкаблучник, его упорные, но робкие попытки взбрыкнуть отдавали безнадежностью* (Ю.М. Нагибин. *Сирень* (1972–1979) [ruscorpora]).

(9) Тряпка: *Кусиел согласился, но он был не мужчина: если жена поселяет любовника в собственном доме, то муж её не более чем тряпка* (А. Рыбаков. *Тяжелый песок* (1975–1977) [ruscorpora]).

(10) Слабак: *Она кричит, что я тряпка, слабак... Что я алкоголик* (Д.С. Филиппов. *Билет в Катманду* (2009) // «Волга», 2012 [ruscorpora]). Предложенные репрезентативные схемы не только разрушают устоявшиеся стереотипы о мужском доминировании, но и ставят под сомнение сам аргумент доминирования одного из полов. Исследователь Воронина, однако, оспаривает данное утверждение, настаивая на том, что патриархальная социальная структура общества сформировалась на основе постулата, согласно которому женщина и дети являлись собственностью мужчины (Воронина, 2001, 26).

Для начала следует уточнить, какие общества прошли исторический путь и сумели сохранить патриархальную систему отношений. Китай с закрытой долгое время для европейцев системой внутреннего устройства вполне может показаться патриархальным государством. Каждый приведенный в статье пример требует подробной аргументации, но сам факт присутствия в языке такого рода примеров заставляет пересмотреть позицию, при которой отношения в социуме исторически выстраивались только по патриархальной линии развития.

Кирилина, анализируя лингвистические подходы в изучении гендера, утверждает, что «властные отношения и вытекающие из них оценки и определения понятий фиксируются в языке и являются симптомами, анализ которых позволяет установить степень андроцентричности языка» (Кирилина, 2000, 141).

Исходя из синтаксического уровня, наличие властных отношений не дает оснований установить степень андроцентричности языка, хотя бы в силу того, что вариантов, в которых может присутствовать «властный компонент», несоизмеримо много. При таком подходе андроцентрический маркер заведомо инкорпорирован в состав любого текстового выражения с семантическим оттенком власти.

В качестве наиболее яркого примера, иллюстрирующего построение семейных отношений, когда мужчина не обладает мужскими привилегиями и не является собственником имущества, имеет смысл рассмотреть следующий метафорический образ.

(11) 倒插门 (досл. пер. с кит: *закрывать входную дверь изнутри*)

Метафорическое значение: *Мужчина, который вынужден жить в доме своей жены, а в некоторых случаях и с родителями жены.*

(12) 小伙倒插门娶了富家女。 – *Парень женился на богатой девушке, чтобы поселиться в ее доме.*

В русском языке невозможно дать положительную или отрицательную оценку ситуации, при которой мужчина вынужденно или целенаправленно принимает решение проживать в жилище жены. Несомненно, огромную роль играют внешние факторы и психологические установки партнера. Но представленный тип мужчины в китайском языке также ярко проиллюстрирован в русском языковом сознании.

(13) Примак: *Эта квартира с окошком во двор, видом, но не просторами напоминающая сибирскую стайку для скота, принадлежала хозяйке, папа здесь был примак, но чувствовал себя царем* (Виктор Астафьев. *Последний поклон* (1968–1991) [ruscorpore]).

(14) Приживала: *А если ты им успел сообщить, что твой старикашка-папашка тут всего лишь жалкий приживала и квартирант...* (Анатолий Кириллин. *С собой не возьму* // «Сибирские огни», 2012 [ruscorpore]).

Заключение

Стоит отметить, что часть исследований, проводимых в русле гендерной лингвистики, имеет ангажированный характер. В частности, эмпирическая часть заранее выстраивается таким образом, чтобы в случае нехватки ясных аргументаций суметь свести суть исследования к андроцентрической составляющей. Некоторые ученые заранее первыми приводят примеры, в которых мужская норма представлена как основополагающая. По отсутствию в исследовательских работах противоположной точки зрения можно судить о невыработанной методологической базе, которая могла стать альтернативным плацдармом в борьбе с дилетантизмом.

Отдельная проблема заключается в том, что гендерные постулаты строятся на противопоставлении мужского – женскому. Такой подход не учитывает индивидуальные психические способности человека, а сводит их к двум категориям. Следует уяснить, что не только женщина отличается от мужчины по психофизиологическим признакам, но и женщины кардинально различаются между собой. Наделять представителей одного пола определенными психическими признаками и делать на основании этого выводы крайне сложно. Каждый индивид вне зависимости от пола имеет уникальное индивидуальное сознание и набор психических установок. Некорректно сводить эмпирические данные даже к одной социальной группе, результативнее ограничиться на конкретном человеке или языковом примере. Вся сложность заключается в том, что распознать реальные мотивы, которые движут человеком, практически невозможно.

Необходимо принять во внимание, что часть исследований в области гендерной лингвистики имеет фальсификационный характер, а именно, не подтверждена достоверными фактами. Исследовательские процедуры, разработанные в смежных областях, с легкостью переносятся в сферу лингвистики. К слову сказать, полученные умозаключения также находят подтверждение в культурологии или психологии. Междисциплинарный подход только подтверждает несостоятельность категориального аппарата в решении задач.

Построение отношений между мужчиной и женщиной сопряжено с изменениями и разводами, ненавистью и влюбленностью, честностью и алчностью. В исследованиях присутствует устойчивое заблуждение, согласно которому в патриархальных обществах носителем власти является мужчина. Невозможно достоверно проследить, сколько мужчин в количественном отношении имеет власть в патриархальном обществе. К тому же само понятие «патриархальное общество» нуждается в осмыслении. В данном контексте под обществом понимается государство, которое условно определяется как «патриархальное». Приведенные в статье примеры иллюстрируют невозможность свести к общему знаменателю разные модели семейных отношений.

Метафорические выражения точно передают структуру поведенческих намерений индивидов. Представленные в статье примеры целенаправленно были выбраны с «мужским» компонентом и негативно окрашенными коннотативными признаками, чтобы подчеркнуть возможные социальные границы человеческих отношений. В статье была предпринята попытка поиска подходящего эквивалента в русском языке, который в смысловом плане моделировал бы ситуацию, релевантную китайскому лексическому значению. Представленные социальные сценарии с участием мужчин имеют схожую хабиутальную структуру в китайском и русском языках, но выражаются в сопоставляемых языках разными лексическими средствами.

Библиография

- Божанова, Н. (2012). *Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы*. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 5, 69–74.
- Воронина, О. (2001). *Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций*. Москва: МЦГИ.
- Гидденс, Э. (1999). *Социология*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Григорян, А. (2004). *Состояние и перспективы гендерной лингвистики на западе в конце XX – начале XXI веков*. Иваново: ИвГУ.
- Гришаева, Л. (2004). *Гендерные стереотипы как текстоорганизующий фактор*. Kalbu Studijos Studies About Languages, 6, 62–71.
- Гусев, С. (1984). *Наука и метафора*. Ленинград: Ленинградский университет.
- Денисова, А. (2002). *Словарь гендерных терминов*. <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (доступ: 15.10.2020).
- Кирилина, А. (2000). *Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты)*. Общественные науки и современность, 4, 138–143.
- Кирилина, А., Томская, М. (2005). *Лингвистические гендерные исследования*. <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (доступ: 15.10.2020).
- Крейдлин, Г. (2005). *Мужчины и женщины в невербальной коммуникации*. Москва: Языки славянской культуры.
- Кузнецов, С. (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Лакофф, Д., Джонсон, М. (1990). *Метафоры, которыми мы живем*. В: *Теория метафоры* (387–415). Н.Д. Арутюнова (ред.). Москва: Прогресс.
- Ли Шуцзюань, Янь Лиган (2009). *Словарь современного китайского сленга*. Москва: Sinologia: Восточная книга.
- Мамардашвили, М. (1997). *Психологическая типология пути. М. Пруст: В поисках утраченного времени*. Санкт-Петербург: РХГИ.
- Маслова, В. (2001). *Лингвокультурология*. Москва: Академия.
- Смирнов, И. (2019). *Зооморфная метафора в китайском и русском языках*. Лодзь: Лодзинский университет.